

Эрнст Юнгер

ЧЕРЕЗ ЛИНИЮ¹

(перевод с немецкого Гульнары Хайдаровой)

1.

В предисловии "Воли к власти" Ницше называет себя "первым совершенным нигилистом Европы, но уже пережившим в себе до конца этот самый нигилизм, — и имеющим этот нигилизм за собой, под собой, вне себя"².

Далее следует замечание, что в его работе уже возвещает о себе противоположная тенденция, которая "в недалеком будущем" придет на смену этому совершенному нигилизму, хотя она и нуждается в нем как в предпосылке.

Несмотря на то, что со времени возникновения этих мыслей прошло уже более 60 лет, они по-прежнему задевают, поскольку связаны с нашей судьбой. За прошедшее время они наполнились содержанием, прожитой жизнью, трудами и страданиями. Интеллектуальная авантюра нашла свое подтверждение в действительности.

Если мы рассмотрим высказывание Ницше с современных позиций, то окажется, что в нем выражен оптимизм, которого нет у поздних исследователей. Здесь нигилизм считается не концом, а фазой общего духовного процесса, и эту фазу может преодолеть и пережить не только культура в ее историческом развитии, но и индивид в своем личном существовании, или иначе, эта фаза подобна шраму, который может зарости.

Как уже было сказано, более поздние исследователи не разделяют эти благоприятные прогнозы. Близость позволяет подробнее различить детали мас-

¹ В «Заметках на полях» Хайдеггера при чтении текста Юнгера сразу же после его публикации страницы 286, 287 и 290 написаны в тетради, озаглавленной "Gestalt", страницы 463-465 названы «Примечания». Они стали доступны лишь в 2004 г. в 90-м томе полного собрания соч. М. Хайдеггера. На титульной странице текста Юнгера Хайдеггер замечает: «написано с учетом моего сочинения «Слова Ницше «Бог мертв»» в «Лесных тропах» — было послано Юнгеру издателем Клостерманном» (Heideggers Randbemerkungen in Ernst Jünger // Martin Heidegger: Gesamtausgabe. Band 90: Zu Ernst Jünger. Herausgegeben von Peter Trawny. Verlag Vittorio Klostermann, Frankfurt a. M. 2004. S. 463). Полагаю уместным привести эти заметки как первую непосредственную реакцию при чтении текста Юнгера, позволяющую прикоснуться к «лаборатории» мысли Хайдеггера. В дальнейшем, приводя их, я буду указывать лишь страницу этого издания.

Комментарии к текстам Юнгера и Хайдеггера мои — Г.Х. Комментарии к текстам Кампера и Фигала — авторские.

² Ф. Ницше. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей. М.: "REFL-book", 1994. С. 33. (Пер. Г. Рачинского).

сива, но не массив в целом. К тому же, в момент полного развития активного нигилизма перспектива гибели становится настолько впечатляющей, что не оставляет места для размышлений, выводящих за пределы ужаса. Пусть даже огонь, террор, страдания господствуют только временно. В вихре катастрофы дух, конечно же, не способен нести крест благоразумия; да и в благоразумии едва ли можно найти утешение. Что троянцам в момент, когда рушатся дворцы Илиона, предсказание, что Эней станет основателем новой империи? И по эту и по ту сторону катастрофы мы в состоянии обратить взгляд в будущее и рассудить, какой путь туда ведет, — но в ее эпицентре правит настоящее.

2.

За двадцать лет до этого Достоевский завершил рукопись "Раскольников", которую он опубликовал в 1866 в "Русском вестнике". В этом произведении уже давно и по праву усматривают другое свидетельство о нигилизме. Здесь рассматривается тот же объект, что и в "Воле к власти"; но в другой перспективе. Внимание немецкого мыслителя направлено на идейно-конструктивные меры, а его взгляд сопровождается чувством отваги и духом авантюризма. Русского писателя же, напротив, занимают моральные и теологические содержания. Ницше упоминал его мимоходом — он мог знать лишь части его произведения, в которых его захватило, прежде всего, психологическое, то есть прикладное мастерство.

Этих двух авторов можно сравнить в их отношении к Наполеону. Одна из самых основательных работ на эту тему — работа Вальтера Шубарта³. Сравнение лежит на поверхности, поскольку как в "Воле к власти", так и в "Раскольникове" отсылки к Наполеону играют заметную роль. Великий персонаж, освобожденный от последних оков 18 века, здесь воспринимается со своей светлой стороны, а там — с теневой; здесь в наслаждении новой неограниченной властью, а там — в страдании, которое нераздельно связано с этой властью. Два этих подхода дополняют друг друга, представляя духовную реальность, как позитив и негатив.

Благоприятным знаком можно считать то, что прогнозы обоих авторов совпадают. Достоевский также как и Ницше оптимистичен; он не усматривает в нигилизме последней смертельной фазы. Он скорее считает его исцелимым, а именно, исцелимым страданием. В судьбе Раскольникова схематично представлен процесс великого преобразования, который происходит с миллионами людей. Как и у Ницше у Достоевского создается впечатление, что нигилизм понимается как необходимая фаза в движении к определенной цели.

³ Вальтер Шубарт (1897-1941), немецкий автор, женился на русской девушке, проживал в Риге, пропал без вести в Риге в 1941. Наиболее известны его публицистические работы: «Достоевский и Ницше: символика их жизней», «Европа и душа Востока». На русский не переводились. Эрнст Юнгер в письме Карл Шмитту от 20.11.1943 указывает на книгу: Walter Schubart. Europa und die Seele des Ostens (1938), в которой есть цитата из юнгеровского «Рабочего». Здесь, видимо, речь о другой работе Шубарта: Walter Schubart. Dostojewski und Nietzsche: Symbolik ihres Lebens.

3.

Потому-то во всякой оценке положения, во всех беседах или в размышлениях наедине с собой, касающихся будущего, настойчиво возникает вопрос, какого пункта это движение уже достигло. Конечно же, ответ, если попытаться его сформулировать или сконструировать, всегда окажется спорным. Причина в том, что этот ответ зависит не столько от фактов и обстоятельств, сколько от жизненного настроения и вообще от перспективы жизни. Что опять же делает его иначе и более настоятельно продуктивным.

Оптимизм или пессимизм такого ответа хотя и облекает собой доказательства, однако, базируется он не на них. Речь идет о разных размерностях; оптимизм обязан глубине, а доказательство — чистоте силы убеждения. Оптимизм способен достичь слоев, где дремлет будущее, и оплодотворить их. В этом случае он встречается как знание, которое проникает глубже, чем власть фактов — и даже может творить факты. Его основа находится скорее в характере, чем в мире. Нужно ценить так обоснованный оптимизм сам по себе, поскольку его носителя воодушевляют воля и надежда, а также шанс выстоять в пертурбациях истории и в ее опасностях. От этого зависит многое.

4.

Оппозицией этому оптимизму служит вовсе не пессимизм. Катастрофа всегда окружена пессимистическими течениями, в частности в культуре. Пессимизм может выражаться как отвращение к тому, что наступает, как, например, у Буркхарда, — тогда обращают взор на прекрасные, пусть и оставшиеся в прошлом картины. Затем случаются переломы к оптимизму, как у Бернаноса, — в полнейшей тьме возникают проблески света. Именно абсолютный перевес противника работает против него самого. Наконец, есть пессимизм, который, хотя и сознает, что уровень снизился, все же считает возможным величие и на новой плоскости, в частности, дает высокую оценку упорству тех, кто удерживает проигранные позиции. В этом состоит заслуга Шпенглера.

Оппозицией оптимизму в большей мере является пораженчество, которое сегодня неожиданно широко распространилось. Ему невозможно противопоставить ничего из того, что наступает, ни по ценности, ни по внутренней силе. При таком настроении паника распространяется беспрепятственно, как вихрь. Кажется, что ярость противника, чудовищность применяемых им средств возрастают в той же мере, в какой растет слабость людей. Наконец, террор хватывает людей как стихия. В этом положении их силы подтачивает нигилистическая молва, готовя гибель. Страх алчно набрасывается на них, безмерно увеличивая ужас, который отныне гонится за ними постоянно.

"Слышал ли ты уже о новых зверствах Олоферна?" — спрашивает вместо приветствия один гражданин другого в "Юдифи" Хеббеля⁴. Вообще пьеса превосходно отражает настроение нигилистической молвы, которая сопровождает такие фигуры ужаса как Навуходоносор и их методы. За Олоферном молва числит, будто он мнит себя милостивым, если пламени одного города ему достаточно и для чистки меча и для ужина. "Счастье, что насыпи и ворота не имеют глаз! Они бы обрушились от страха, если бы могли видеть все зверства".

Эти слухи питают заносчивость властелина. Для любой силы, которая стремится вызвать ужас, нигилистическая молва представляет собой сильнейшее средство пропаганды. Это относится и к террору, направленному на внутреннее, и к террору, направленному вовне. Для первого важнее всего прокламировать ту мощь, которой обладает общество по отношению к индивиду. Общество должно раз и навсегда довести до сознания максимум: "Народ — это все; ты — ничто!" — и одновременно быть для духа постоянно присутствующей физической угрозой, близостью, то есть пространственной и временной неотложностью, лишения «всех прав и состояний» и ликвидации. В этом положении страх эффективнее, чем насилие; слухи драгоценнее, чем факты. Неопределенное действует более устрашающе. По этой причине механизм, наводящий ужас, обычно скрывают, а место его дислокации переносят в пустынные глухие места.

Внешним террором государства устрашают друг друга; они весьма заинтересованы в способности, которой обладала Горгона: в гибельном блеске, который излучает оружие, когда его издали демонстрируют, и даже когда на него только намекают. И здесь рассчитывают на страх, который усиливается до апокалиптического видения, тем самым противника заставляют поверить, будто способны довести дело до мировых катаклизмов. В качестве первого примера можно привести пропаганду, которая предшествовала бомбардировке Англии и была подобна зловещему предвестию космической катастрофы.

Со временем методы пропаганды усовершенствовались, при этом увеличился ее объем. Они призваны продемонстрировать неограниченный потенциал и готовность пустить его в ход. В этой борьбе стремятся к сочетанию психического и идеологического превосходства, которое должно быть заметно далеко за пределами государства, даже если активные действия не происходят. Последние вряд ли желательны, ибо в таком случае военные потери, которых каждый стремится избежать, могут достичь значительного масштаба. Зато возможны случаи, в которых один из партнеров больше не способен выдерживать напряжение и сдается без всякого применения внешнего насилия. На это воздействие, в частности, рассчитаны те фазы, которые называют психологической войной. Такой крах, который описал Сартр в "Тошноте", всегда предполагает сумму индивидуальных крушений. Государство становит-

⁴ Хеббель (Геббель) (Hebbel) Кристиан Фридрих (1813-63), немецкий драматург и теоретик драмы. Исходя из пессимистически-метафизического понимания истории, изображал «извечную» борьбу героя с миром («Мария Магдалина», 1844; «Ирод и Мариамна», 1850; «Нибелунги», 1861).

ся ничтожно пустым не только в лице своих руководителей, но, прежде всего в своих анонимных слоях. Индивид, оказавшийся во власти нигилистического настроения, сдаётся. Поэтому очень важно исследовать, какое поведение ему посоветовать в этом смятении. Ведь внутренний мир индивида есть подлинный форум внешнего мира, и его решение важнее решений диктатора и властителя. Оно есть их предпосылка.

5.

Но прежде чем мы обратимся к этой задаче, уместно поставить предварительный диагноз. Понятие нигилизма сегодня не только причисляется к неясным и спорным, но и используется полемически. Тем не менее, в нигилизме следует предвидеть великую судьбу, основную власть, влияния которой никому не избежать.

Тотальный характер нигилизма приводит к тому, что встреча с абсолютным невозможна без жертв. В нем нет ничего святого. Как нет и совершенного произведения искусства. Точно также, не найти, — хотя в планах нет недостатка, — высшего порядка мысли: отсутствует величие в проявлениях человека. В морали приходится констатировать то явление времени, которое в "Рабочем" мы обозначили как цеховой характер. С точки зрения морали мы можем рассчитывать только на прошедшее или на еще невидимое грядущее. В этом основа конфликта и, в частности, причина путаницы правовых языков.

Хорошее определение нигилизма можно сравнить с обнаружением возбудителя рака. Оно не привело бы к исцелению, но хотя бы стало его предпосылкой, если человек вообще способен к такому исцелению. Ведь речь идет о процессе, далеко выходящем за рамки истории⁵.

Если мы проконсультируемся у двух упомянутых вначале авторов, то, по мнению Ницше, нигилизм является выражением переоценки всех ценностей. В качестве состояния он называет его нормальным, в качестве временного и промежуточного состояния — считает патологичным. Это хорошее различие, говорящее о том, что человек может вести себя соразмерно в актуальном состоянии нигилизма. Относительно прошлого и будущего — это не так; в отношении них слишком силен напор бессмысленного и безнадежного. Отказ от ценностей — это, прежде всего, отказ от христианских ценностей; он соответствует неспособности породить более высокие типы или хотя бы иметь более высокие намерения, этот отказ влечет за собой пессимизм. Последний переходит в нигилизм, когда приведшую к разочарованию иерархию анализируют и с ненавистью отвергают. Остаются только регулятивные, то есть критические ценности: слабые при этом переживают слом, более сильные разрушают то, что не было сокрушено, сильнейшие преодолевают регулятивные ценности и продвигаются дальше. Нигилизм может быть как знаком слабости, так и знаком силы. Он есть выражение бесполезности другого мира, но не мира и бытия во-

⁵ Комментируя этот абзац, Хайдеггер ставит вопрос, подчеркивая слово *предпосылка*: «в каком смысле?».

обще. Большой рост приносит с собой чудовищные разрушения и трансгрессии, и в этом аспекте наступление нигилизма, как крайней формы пессимизма, может быть благоприятным знаком.

У Достоевского результатом нигилизма является изоляция индивида, его выход из сообщества, которое по сути своей является общиной. Активный нигилизм подготавливается как бросок, как, например, в те недели, которые Раскольников проводит в одиночестве в своей комнате. Такой нигилизм приводит к росту физической и душевной силы за счет потери святости. Он может вылиться и в ужасное оцепенение, как это случается со студентом Ипполитом в "Идиоте". Он может завершиться самоубийством, как это происходит со Смердяковым в "Карамазовых", со Ставрогиным в "Бесах" или со Свидригайловым в "Преступлении и наказании", и чего так боятся Иван Карамазов и многие другие его герои. В лучшем случае он ведет к исцелению, после того как через публичное покаяние свершится возвращение в общину. Посредством очищения *in inferno* или в "Мертвом доме" могут быть достигнуты более высокие, чем прежде, перед вступлением на путь нигилизма ступени.

Нельзя не сознавать, что обеим концепциям присуще родство. Они проходят через три одинаковые фазы: от сомнения к пессимизму, потом к активным действиям в мире, лишенном ценностей и богов, и затем к новым свершениям. Можно заключить, что в них рассматривается одна и та же действительность, пусть даже из значительно удаленных друг от друга точек.

6.

Трудность в определении нигилизма заключается в том, что дух не имеет представления о ничто. Он приближается к зоне, в которой исчезают как созерцание, так и познание: два великих средства, без которых дух не может обойтись. О ничто невозможно создать ни образа, ни понятия.

Поэтому нигилизм лишь соприкасается зоной, предстоящей ничто, и никогда не вступит в связь с его основной властью. Точно также как можно иметь опыт умирания, но не смерти. Непосредственное соприкосновение с ничто конечно тоже мыслимо, однако за ним должно последовать мгновенное уничтожение, как будто сверкнул абсолют. Уничтожение иногда изображают, как, например, Мальро и Бернанос, чаще всего в связи с внезапным самоубийством. Есть достоверность ставшего невозможным существования — тогда бессмысленно продолжающееся сердцебиение, кровообращение, секреция почек, как бессмысленно тиканье часов рядом с трупом. Последствием будет ужасное разложение. Ставрогин предвидит его в своем пребывании в Швейцарии и потому выбирает веревку. Он предчувствует опасности, связанные с полной гарантированностью существования.

В литературе подробности уничтожения не только изображены, но и представлены. Художник, выбирая тему разложения, идентифицирует себя с ним. Оно входит в его язык, в его краски. В этом различие между эстетикой безоб-

разного и натурализмом, в котором, несмотря на некрасивые объекты, господствует оптимизм.

7.

Чтобы получить представление о нигилизме, хорошо бы сначала отделить те феномены, которые его сопровождают, и потому их часто с ним связывают. Поскольку именно они в первую очередь придают этому слову полемический смысл. Эти феномены делятся на три сферы: болезненность, зло и хаос.

Если начать с третьего, то различие между нигилизмом и хаосом благодаря приобретенному нами опыту дается без труда. Тем не менее, оно очень важно, поскольку хаос и ничто образуют альтернативу.

Как оказалось, нигилизм может вполне гармонично сосуществовать с устойчивыми системами порядка, это случается как правило там, где нигилизм активен и набирает силу. Порядок для него — наиболее удобный субстрат, который он преобразует для своих целей. Условие таково, чтобы порядок был абстрактен а значит, духовен — сюда в первую очередь относится идеальное государство со служащими и аппаратом, — и все это в тот момент, когда фундаментальные идеи с их номосом и этосом утеряны или разрушены, хотя на поверхности и кажется, что они продолжают существовать с большей очевидностью. Из них берется только то, что можно актуализировать, этому состоянию соответствует некий род журналистской историографии.

С положением дел, когда государство превращается в нигилистический объект, связано появление в больших городах массовых партий, действующих одновременно рационально и аффективно. В случае успеха они могут настолько уподобиться государству, что их сложно будет от него отличить. Сила, побеждающая в гражданской войне, образует органы, которые соответствуют государственным органам, проникая в государственную систему или же образуя придаток к ней. В конце концов, они срастаются.

Подобное можно наблюдать в армии, она становится тем больше подходящей для нигилистической акции, чем больше из нее исчезает старый порядок, именуемый традицией. В равной мере должны возрасть чисто дисциплинарные и инструментальные моменты, которые дают возможность тому, кто стоит у руля, использовать войско в любой момент.

Поскольку войска хранят в себе древние элементы, то там, где они служат средством проводить изменения, развитие будет менее прогрессивным. Там же, где они и вовсе выступают политическим субъектом, то есть, представлены генералами, вид успехов менее впечатляющий, чем там, где дорогу прокладывают массовые партии. Верность прежним авторитетам и ценностям, ставит под угрозу активные действия нигилизма. Можно сформулировать максимум: в таком положении генерал должен превосходить всех, как Цезарь, или же он ничего не значит.

В первую очередь подходящим для любого внедрения и подчинения⁶ является технический порядок, хотя именно в результате этого подчинения он превращает использующие его силы в Рабочих. Порядок производит впечатление необходимой меры пустоты, которую можно наполнить любым содержанием. Это же верно и для связанных с ним организаций — союзов, концернов, больничных касс, профсоюзов и т.д. Они все настроены на чистое функционирование, идеал которого — нужно только «нажать на кнопку» или «включить». Поэтому все эти организации, как кажется, без всякого перехода, приспособляются к противоположным силам. Марксизм уже давно увидел в создании капиталистических трестов и монополий благоприятную среду. С ростом автоматизма войска приобретают совершенство муравьев. Они продолжают сражаться в тех ситуациях, которые, по чести говоря, классическое военное искусство сочло бы преступлением. Потом победитель рекрутирует из них воинские подразделения под новые знамена. Правда, надежность не очень то высока, но зато утончается принуждение к знаниям.

Точно также отдельный человек тем больше подчиняется произволу силы, чем больше его жизнь наполнена элементами порядка. Известны упреки, предъявляемые чиновникам, судьям, генералам, учителям. Эти упреки обращены против лицемерного перевоплощения, которое разыгрывается всякий раз, когда дело доходит до революции. Впрочем, нельзя же свести целые сословия к чистому функционированию и при этом ожидать, что они сохранят свой этос. Достоинство функционера состоит в том, что он функционирует, и хорошо, если на этот счет в спокойные времена нет никаких иллюзий.

Этого, пожалуй, достаточно, чтобы показать, что на самом деле нигилизм может гармонично сосуществовать с дисциплинированным миром, и даже более того, для того, чтобы проявить свою активность в полном масштабе, он не может без него обойтись. Хаос появится только тогда, когда нигилизм в одной из своих констелляций потерпит провал. Показательно, что даже во время катастрофы элементы порядка сохраняются до последнего момента. Это доказывает, что порядок для нигилизма не только приемлем, но и относится к стилю нигилизма⁷.

Таким образом, хаос — максимум следствие нигилизма, и не самое худшее. Важно то, сколько настоящей анархии скрыто в хаосе, и тем самым неупорядоченной плодотворности. Анархию следует искать в индивидуе и в обществе, а не в обломках, развалившегося государства. Сентенции в «Заратустре», направленные против «Драконова государства», и особенно идея о Вечном Возвращении — отчетливо указывают на то, что у Ницше нигилизм не проник в глубину. Анархист зачастую имеет отношение к избытку и к добру, а лучшие его представители подобны скорее Первому, чем Последнему человеку; если

⁶ Хайдеггер выписывает эту цитату целиком, комментируя, что «подходящим для любого внедрения и подчинения» со стороны ««нигилистической акции»!» (S. 286).

⁷ Сравнивая высказывание о порядке с цитатой из «Рабочего» («к нигилизму относятся миры порядка»), Хайдеггер спрашивает: «почему?» (S. 287).

анархист придет к господству, нигилист будет считать его противником. В гражданской войне в Испании была анархистская группа, которую одинаково преследовали и красные и белые.

Отличие нигилизма от хаоса и анархии таково же как отличие от беспорядка в необитаемом или в оживленном. Форму могли бы задавать пустыня и первобытный лес. В таком смысле хаос нигилисту не нужен; это не то, без чего он не может обойтись. Еще меньше ему нравится анархия. Она бы нарушила строгий ход процесса, в котором он движется. То же самое относится к упоению. Даже в тех местах, где нигилизм обнаруживает свои самые жуткие черты, как то в местах физического уничтожения огромных масс людей, во всем господствуют рассудительность, гигиена и строгий порядок.

8.

Недоверчиво следует относиться также к мнению, будто нигилизм — это болезнь. Присмотревшись, можно заметить, что с ним скорее связано физическое здоровье — особенно там, где он активно продвигается. При пассивном же нигилизме — все иначе. На этом основана двойная игра возрастающей восприимчивости и набирающих мощь действий, игра, которая определяет наше время. Нельзя же действительно полагать, будто нигилизм держится на болезни, или даже декадансе, хотя, разумеется, оба часто встречаются.

Огромные волевые и трудовые усилия, которые проявляет активный нигилист, его пренебрежение к боли и к сочувствию, его закалка контрастными температурами, а также его уважение к телу и его витальным силам, которых чаще всего нигилисту не занимать, позволяют считать, что он наделен хорошим здоровьем. И на самом деле можно констатировать, что активный нигилист набрал ту силу, которую он отмеряет себе и другим. В этом он не похож на якобинца, которого можно отнести к его предтече.

Своеобразие в том, что такие титаны и циклопы происходят из мира, в котором крайне возросла осмотрительность, и где стараются избегать даже сквозняка. В государствах всеобщего благополучия с их страхованием, больничными кассами, социальным обеспечением и наркозом возникают типы, кожа которых кажется задубевшей, а мышцы стальными. Это могут быть дополнительные в смысле учения о цвете фигуры: общая субтильность порождает свою противоположность. Если задаться вопросом об их школах, о формах, в которых они отливались, то они будут различными.

Во-первых, следует назвать школу гражданской войны — жизнь политических нигилистов и социал-революционеров, тюрьмы и каторги, Сибирь. Сюда же на другом полюсе относятся подвергнутые экспроприации, униженные, обесчещенные, избежавшие волн террора, чисток, ликвидаций. Мы видим здесь триумф одних, а там других, или, как в Испании, затяжное взаимовыравнивание. Но общее для всех — полная безжалостность. Противник больше не считается человеком, он стоит вне закона.

Второй источник — битвы Первой мировой войны. Они породили закаленных людей, а с ними новый характер действия и целый ряд фронтальных движений, против которых оказалась беспомощной традиционная политика. Можно предположить, что Вторая мировая война, особенно в России и Германии, проявит подобные формы. В опыте, в знании тех восточных лет, включая судьбу пленных, скрывается еще неисследованный капитал боли — настоящей валюты нашего времени.

Наконец в связи с этим важен специальный характер труда, называемый спортом. Он стремится не только сделать нормой высокую степень физического здоровья, но и, преодолев старые, установить новые рекорды. В альпинизме, в полетах, в прыжках с трамплина есть вызов, требования, превосходящие силы человека, а в соответствие с этими требованиями необходим становится автоматизм, который убивает естественность. Схема переносится также в цеха; она порождает героев Труда, которые перевыполняют норму 1913 года в двадцать раз.

Учитывая все это, данное развитие нельзя упрекнуть в болезненности, хилости или в декадентстве. Напротив, мы видим появление людей, которые действуют подобно железным машинам, бесчувственные даже там, где их настигает катастрофа. Чрезвычайно редко происходит соприкосновение пассивных и активных потоков, когда планктон опускается на дно, а акулы поднимаются наверх; нет, здесь нежнейший импрессионизм, там взрывные акции, здесь тончайшее и скорбное понимание, там избыток воли и силы.

В целом все разыгрывается даже литературно, даже, в первую очередь литературно, и при том более цельно и наглядно, чем это представляют себе современники. Уже столетие нигилизм — великая тема, неважно, излагают ли ее активно или пассивно. В этом отношении ценность произведения не зависит от того, слабости или силе отдает предпочтение автор: это варианты одной и той же игры. У таких различных авторов как Верлен, Пруст, Трахль, Рильке и в свою очередь у Лотреамона, Ницше, Рембо, Барреса много общего. Произведение Джозефа Конрада примечательно тем, что в нем разочарованность уравновешена активным действием, и они тесно переплетены. Но боль присутствует как здесь, так и там, и, пожалуй, мужество. Важно то, что уничтожение воспринимается болезненно. Это часто рождает эффект уходящей красоты, как первые заморозки в лесу, но также и изысканность, которой не было в классические времена. Потом тема переходит в свою противоположность; встает вопрос, как человеку выжить перед лицом уничтожения в нигилистическом потоке. На этом повороте мы и находимся; и в этом задача нашей литературы. Для подтверждения можно привести многочисленные примеры: возьмем, к примеру, Вольфа, Фолкнера, Мальро, Т.Е. Лоуренса⁸, Рене Кентона, Бернаноса, Хемингуэй, Сент-Экзюпери, Кафку, Шпенглера, Бенна, Монтерлана и Грэма Грина. Их

⁸ Лоуренс (Lawrence) Томас Эдуард (прозвище Лоуренс Аравийский) (1888-1935), английский разведчик на арабском Востоке, переводчик Гомера, автор мемуаров «Семь столпов мудрости» (1926).

объединяет экспериментальная позиция, позиция времени и знание опасности положения, великой угрозы; эти два фактора определяют стиль поверх языка, народа и государства — ибо в том, что он есть и проявляется не только в технике, нет сомнения.

Нужно еще отметить, что к полному пониманию времени также относится знание его крайних флангов, то есть в данном случае как пассивная, так и активная встреча с ничто. Этот двухсторонний подход дал основу воздействию, которое оказал на умы Ницше.

9.

Итак, к деталям, касающимся здоровья. Будет ли здесь что-то отличаться у разных народов и рас? На этот вопрос следует ответить скорее отрицательно, ведь вряд ли кто может сказать, что нигилизм присущ только древним народам. В них живет некий род скепсиса, который делает их неуязвимыми. Если принять это предположение, в молодой и бодрый народ нигилизм будет внедряться успешнее. Примитивное, менее дифференцированное, некультивированное он охватывает более властно, чем мир с историей, с традицией и способностью к критике, такой мир к тому же труднее поддается автоматизации. Примитивные силы напротив легко принимают то, что им прививают. Поэтому у них можно встретить на некий вид страсти, с которой они овладевают не только машинной техникой, но и нигилистической теорией. Она превращается в эрзац религии. Профессорские теории XIX века становятся священными. Из соображений безопасности путешественникам сегодня рекомендуется узнавать, насколько в той или иной стране продвинулось Просвещение или же на какой ступени оно затормозилось.

Если рассмотреть нигилистическую корпорацию вблизи — при этом не нужно представлять себе группу сильных мира сего или отряд головорезов, скорее это будет группа из врачей, техников или чиновников-экономистов, которые занимаются специальными вопросами — то вряд ли удастся обнаружить какую-нибудь особенную болезненность.

Конечно, болезнь прогрессирует. Это диагностирует сонм врачей. Есть определенный род нигилистической медицины, отличающейся тем, что она не намерена лечить, но преследует другие цели, и эта школа растет. Ей соответствует пациент, который хочет оставаться больным. С другой стороны можно отметить специальный вид здоровья среди нигилистических проявлений — пропагандистскую бодрость, которая впечатляет физической неумностью. Она встречается в привилегированных слоях, а также в фазах конъюнктуры, ориентированных на комфорт.

Ницше прав в том, что нигилизм есть нормальное состояние, и патологично оно только тогда, когда его сравнивают с уже недействительными или еще недействительными ценностями. Как нормальное состояние он включает в себя и здоровое и больное. В другом месте Ницше употребляет образ ветра, прино-

сящего оттепель, которая ведет к тому, что там, где прежде можно было пройти, продвигаться уже невозможно. Образ хороший: нигилизм своей разрушительной и прогрессивной силой напоминает ветер фен, который дует с гор. Он оказывает на системы похожее воздействие — одну парализует, в другую вносит беспокойство, в ее благополучие и ее дух. Известно, что в некоторых странах проступки осуждаются меньше, если они случились во время фена.

10.

Это приводит нас к третьему различению, различению нигилизма и зла. Зло может и не появляться в нигилизме — особенно там, где есть гарантированность. Там же, где дело приближается к катастрофе, зло вступает в сговор с хаосом. Тогда оно становится сопутствующим обстоятельством, как это бывает при пожаре в театре или при кораблекрушении.

С другой стороны, план и программа нигилистических действий могут отличаться добрыми намерениями и филантропией. Зачастую нигилистические действия являются контрударом на первые беспорядки, спасая порядок, но все же они продолжают начавшийся процесс, обостряя его. Это позже приводит к тому, что право и бесправие надолго становятся почти неразличимы, при этом для действующих более чем для их жертв.

Даже в тяжких преступлениях зло редко выступает мотивом; ведь должен был бы появиться злодей, который использовал бы нигилистический процесс в своих интересах. Такие натуры несут в большей мере материальные разрушения. Но чаще проявляется индифферентность. То, что люди с криминальным прошлым становятся опасными, настораживает меньше, чем то, что люди, которые встречаются повсюду, в том числе на чиновничьих должностях, впадают в моральный автоматизм. Это говорит об ухудшении климата. Когда погода улучшается, можно видеть, как те же самые экзистенциальные типы мирно возвращаются на привычные места. Нигилист — не преступник в принятом смысле, ибо для преступления нужно, чтобы существовал и действовал определенный порядок. Но как раз по этой причине преступление для него не важно; переход совершается из морального контекста в автоматический. Там, где нигилизм стал нормальным состоянием, индивиду остается только выбор между видами несправедливости. Однако регулятивные ценности не могут появиться из мест, которые еще не втянулись в процесс. Новое течение формируется скорее из глубины.

Если бы можно было считать нигилизм специфическим злом, то диагноз был бы благоприятнее. Против зла есть испытанные целительные средства. Тревожнее, когда происходит сплав добра и зла, когда границы добра и зла размыты настолько, что их не увидит даже самый острый глаз.

11.

Не будем касаться того, что позволяет в это время сохранить надежду. Если верны слова Гельдерлина, то с ростом опасности должно расти спасение⁹. В его первых лучах все бессмысленное потускнеет.

Нас больше интересуют эффекты поворота, который незаметно для масс предшествовал. Здесь наверняка найдутся знаки для практического использования в нигилистических потоках. Речь, стало быть, идет об описании симптомов, а не причин.

Из этих симптомов первым бросается в глаза основной признак, который можно назвать признаком редукции. Нигилистический мир по своей сути — это мир редуцированный и продолжающий себя редуцировать, как и положено движению к нулевой точке. Ощущение, господствующее в нем — ощущение редукции и редуцирования. Романтика больше не может противостоять этому движению, доносится лишь эхо исчезнувшей действительности. Избыток иссякает, человек чувствует себя эксплуатируемым в разнообразных, а не только в экономическом, отношениях.

Редукция может быть пространственной, духовной, душевной; она может касаться красоты, добра, истины, экономики, здоровья, политики, — только замечают ее всегда в итоге как некую утрату. Это не исключает того, что на больших дистанциях она связана с расширением власти и действенности. Мы видим это, например, в упрощении научной теории. Она, отказываясь от неровностей, спрямляет линии. Появляются цепи умозаключений, которые можно видеть, например, в дарвинизме. Для нигилистической мысли также характерна склонность приводить мир с его сложными и многообразными тенденциями к одному знаменателю¹⁰. Результат такого вмешательства, пусть и на время, ошеломляет. Этому приему обучаются, так как его диалектика представляет собой лучшее средство дезорганизовать противника, лишённого резервов. Но потом эту методику перенимает и слабая сторона. На этом основана идейная эффективность реакции. Приводить к одному знаменателю — может быть неизбежное средство в определенной фазе нигилистического развития; но по сути оно остается знаком редукции.

12.

К этим знакам относится также исчезновение чудесного, а с ним рассеиваются не только формы почитания, но и удивление как источник науки. Восхищение и изумление в нигилистическом состоянии вызывают лишь эффекты цифр пространственного и численного миров. Затем повсюду будет бросаться в глаза безмерное, образуя контр-соответствие точной науке, редуцированной наконец до чисто измерительного искусства¹¹. Головокружение от космической бездны — это нигилистический аспект. Оно может достичь возвышенности как

⁹ «Близок бог/ И непостижим./ Где опасность, однако,/ Там и спасенье». Гельдерлин. «Патмос», пер. В. Микушевича.

¹⁰ Хайдеггер выписывает фразу и ставит на полях: «Рабочий!» (S. 463).

¹¹ Хайдеггер выписывает эту фразу без комментариев. (S. 463).

в «Ойреке» (Eureka) Э.А. По, однако с этим головокружением всегда будет связано особенное, относящееся к ничто чувство страха.

Уже Леон Блуа¹² установил корреляцию между нарастанием нигилистического движения и этой формой страха. Он объясняет изобретение все более быстрых машин волей к бегству, к отступлению, неким инстинктом, позволяющим человеку предчувствовать угрозу, от которой нужно спешно искать спасения в другой части земли. Это можно сказать противоположность, теневая сторона воли к власти: чуткость к затишью перед бурей. С каждым циклом ускоряющегося движения происходит и определенная редукция. Подобно тому, как вырабатываются богатые месторождения и пласты, также исчерпывается покой, и все приходит в движение.

Родственным знаком можно считать растущую склонность к специализации: разделение и детализацию. Она бросается в глаза и в гуманитарных науках, где почти полностью исчезает синоптический талант, подобно тому, как в мире труда исчезает ручное ремесло, требующее высокой квалификации. Специализация зашла так далеко, что индивиду остается развивать только частную идею, выполнять только одну операцию на конвейере. Нет недостатка в теориях, объясняющих причины утраты, которая обнаруживается на личностном уровне, этим процессом специализации, но верно как раз обратное, и потому средства, которые рекомендуются, по-настоящему не помогают.

Этой детализации, вызывающей в науках и на практике беспокойство, но в повседневности нарастающей, соответствует с точки зрения морали обращение к локальным ценностям. Тот факт, что «высшие ценности обесценились», ведет к новым инвестициям сил в освободившиеся места. Такие попытки могут осуществляться как в церквях, так и в других сферах. Редуцирующая инвестиция выдает себя, например, там, где Бог понимается как «благо» или там, где начинают на пустом месте возводить идеи¹³.

Появляются эрзац-религии, число которых огромно, как будто мы оказались под одним из более низких божественных сводов. Можно сказать, что из-за низвержения высших ценностей теперь все и каждый получают возможность культового посвящения и толкования. Эту роль берут на себя не только науки. Множатся идеологии и секты; это время апостолов без предназначения. Наконец апофеоз выпадает и на долю политических партий, и божественным становится то, что служит их доктринам и их меняющимся целям.

13.

¹² Леон Мари Блуа (1846-1917), французский писатель, который сознательно жил в ужасной нищете и свой опыт критического существования трансформировал в автобиографические романы и памфлеты, критикуя эпоху. После эстетико-нигилистической фазы Блуа обращается в христианство, оказывается «нетолерантным католиком» и называет себя — в силу своей радикальной критики модерна и апокалипсического настроения — «духовным крушителем». Юнгер по совету Карла Шмитта, близкого к католико-политическим кругам и воспринявшего идеи Блуа, в 1934 начинает активно читать этого автора и цитировать его.

¹³ Хайдеггер выписывает эту фразу и замечает: «Лесные тропы» (S. 463).

Можно назвать еще множество сфер, в которых утрата становится совершенно очевидной, как, например, в искусстве или эротике. Речь ведь идет о процессе, в который вовлечено все и который в конце концов ведет к совершенно однообразным, серым или же выжженным ландшафтам. В лучшем случае здесь появляются кристаллические образования. Своеобразная форма кристалла — это не что-то принципиально новое. Оно скорее впитывает в себя мир и содержит в себе его формы. Впервые мы наблюдаем нигилизм как стиль.

В мировой истории уже многократно, у индивида, в малых или в больших сообществах, случалось падение бессмертных иерархий со всеми его последствиями. И всегда в распоряжении еще оставались мощные резервы, в варварском или же в цивилизованном мире. Сохранялась нетронутой первобытная основа, и целые культуры оставались девственными. Сегодня же утрата, которая ведь не только утрата, но одновременно и ускорение, упрощение, интенсификация и стремление к неизвестным целям, распространяется на весь мир.

Когда рассматривают негативные стороны редукции, то, пожалуй, самым значительным признаком оказывается сведение множества к цифре или же символа к пустому знаку. Это создает впечатление наполненной мандалами пустыни, совершающей свое вращение под звездами. Все важнее становится всесторонняя измеримость. Еще совершают посвящения, хотя уже не верят в преобразование. Затем преобразование переинтерпретируют, сделав яснее.

В прошлое уходит тип денди. Он обладал высшей степенью культуры, смысл которой исчезает. Проституция относится сюда в качестве десимволизированной половой принадлежности. Затем прибавляется не только продажность, но и измеримость. Красота конвертируется в цифры, становясь универсальной. Наиболее тотальная редукция — это редукция к чистой причинности¹⁴; к ее разновидностям относится экономическое рассмотрение общественного и социального мира. Со временем все области (даже избегающие причинности, такие как мечта) можно привести к общему знаменателю.

Тем самым мы касаемся снятия табу — операции, которая более всего пугает, удивляет и, пожалуй, возбуждает. Позже отсутствие табу воспринимается как нечто естественное. Только в первый раз есть риск в том, чтобы моторизовать катафалк¹⁵, потом это становится экономически выгодным предприятием. Сегодня такая жуткая книга, как книга Ивлина Во о похоронном бизнесе в Голливуде, уже относится к развлекательной литературе. Начало всегда связано с риском. Между тем наступила своего рода кульминация — участие в крупномасштабном нигилистическом процессе потеряло привлекательность.

¹⁴ «Имеется в виду эффективность? и при том эффективность чисто временная», — поправляет Хайдеггер. (S. 464).

¹⁵ Метафора и связанное с ней предсказание, которые в девяностых годах нашли свое подтверждение в деятельности (или как это называют в искусстве) доктора Хагенса. Скандально знаменитая выставка «Миры тела», заявленная как художественная, представляет пластинированные по высокой и оригинальной технологии доктора Хагенса тела умерших людей (Prof. Dr. Med. Gunther von Hagens. Körperwelten. Die faszination des Echten). Как точно предсказывает Юнгер, это достижение науки (искусства?) оказалось весьма выгодным предприятием для Хагенса и его лаборатории.

На чем же основан разлад, грозящий среди прочего обесточить радикальные партии и позволяющий провести различие между послевоенными 1918 и 1945 годами? Основу его можно увидеть в том, что за это время мы перешли нулевую точку не только идеологически, но и с точки зрения внутреннего ресурса идеологии. Это ведет к новому умонастроению, воспринимающему новые феномены¹⁶.

14.

Едва ли стоит ожидать, что эти феномены возникнут неожиданно и будут счастливой развязкой. Пересечение линии, прохождение нулевой точки *разделяет* драму, обозначая середину, но не конец. До гарантированного положения еще далеко. На него можно только надеяться. Барометр говорит об улучшении, несмотря на сохранение внешней угрозы, и это лучше, чем если бы его показания нормализовались при еще сохраняющихся аспектах гарантированности.

Трудно предположить, что эти феномены раскроются сразу же как теологические, если понимать слово в узком смысле. Скорее они объявятся на тех полях, с которыми сегодня связана вера, то есть как раз на полях мира цифр. И в самом деле следует признать, что на границах, где соприкасаются математика и естественные науки, происходят сильные изменения. Астрономические, физические, биологические представления изменяются значительно глубже, чем можно было бы представить, исходя лишь из смены теорем.

Мы, конечно же, еще не уходим от стиля цехов, хотя уже проглядывает важное отличие. Знакомый порядок цехов в основе своей является результатом разрушения, — «до основания», — старых форм ради большей динамики рабочего процесса. Это относится ко всему механизированному, транспортному, военному миру с их деструкциями. Разрушение достигает наивысшей интенсивности в образах ужаса, как, например, в пожаре городов. Боль чудовищна, и все же среди исторического уничтожения осуществляется образ времени. Его тень падает на вспаханную землю, падает на жертвенную землю. За этим следуют новые горизонты.

Глаз только еще привыкает к изменению декораций, которые уже отличаются от декораций мира прогресса и коперниканского сознания. Такое впечатление, будто верхний свод, как и панорама стали ближе, стали конкретными, что привело к образованию новой оптики. Уже можно предвидеть, как в этом театре появятся новые фигуры.

Вместе с тем нельзя не заметить, что в мире фактов нигилизм приближается к последней цели. При входе в зону его господства повреждена была только голова, зато тело было еще в безопасности. Теперь же наоборот. Голова — по ту сторону линии. В то время как динамизм снизу возрастает и требует взрыва. Мы живем на пороховой бочке, которой будет достаточно для уничтожения большей части человеческого рода. Не случайно, что здесь действуют те же са-

¹⁶ «Какие?», — ставит вопрос Хайдеггер. (S. 464).

мые силы, которые дискриминируют солдата, не знающего еще ни правил борьбы, ни различий между воином и безоружным.

Тем самым процесс не следует квалифицировать как совершенно бессмысленный. И не поможет, если закрывать на него глаза. Он есть выражение гражданской войны, в которой мы находимся. Чудовищность сил и средств позволяет сделать вывод, что отныне на карту поставлено все. К этому добавляется тотальность стиля. Все это указывает на мировое государство. Речь больше не идет о национально-государственных интересах или о разделе регионов. Речь идет о планете в целом.

Это первый луч надежды. Впервые среди безбрежного прогресса и его перемен появляется твердая материальная цель. А также воля ее достичь, причем не с помощью силовой политики — скорее эта воля имеет характер повседневного мнения, которое услышишь на каждом углу.

Одновременно все больше сторонников того мнения, что третья мировая война, хотя и возможна, но не неизбежна. Не исключено, что достичь мирового единства можно с помощью соглашений¹⁷. Этому могло бы способствовать возникновение третьей силы, под которой мыслится объединенная Европа. Дело может принять и такой оборот, что одна из конкурирующих сторон потерпит поражение уже в мирное время. Кроме того, всегда есть нечто непредусмотренное. Все это приводит к выводу, что при достаточной силе духа нет причин ни для безоглядного оптимизма, ни для отчаяния.

15.

Что делать в таком положении? Многие ломают головы над этим вопросом. Это тема нашего времени. В ответах нет недостатка. Наоборот, их многообразие сбивает с толку. Выздоровление ведь не наступит от того, что каждый станет доктором.

Истинные причины нашего положения неизвестны и не проясняются поспешными объяснениями. Это не касается второстепенных выводов. Возможно, что мы судим слишком благосклонно. Также возможно, что на нашу точку зрения влияет близость катастрофы, и что более поздние фазы придадут смысл эпохе в целом. Тогда это стало бы знаком того, что нигилизм приближается к своему концу. Может быть, уже скоро его увидят в совершенно другом свете.

К тому же знание целительных средств ограничено. Ведь если бы мы знали великое снадобье, положение потеряло бы свою сложность. Но для нашего положения характерны скорее неопределенность, риск, страх, и любая более-менее крупная попытка справиться с ним остается экспериментом. Напротив, можно утверждать, что любой, кто расхваливает некий гарантированный рецепт, является шарлатаном или же еще не понял, что час настал. В науке или в

¹⁷ Хайдеггер усматривает в этом предположении (подчеркивая слово «соглашения») противоречие с «Рабочим» (1932) и с сочинением «Мир» (1948). (Там же.)

любой другой сфере, сохранение *определенного* типа гарантированности позволяет только заключить, что ресурсы XIX века еще не совсем редуцированы.

Зато можно, пожалуй, посоветовать манеру поведения, дать практические советы относительно движения в нигилистическом поле, ведь в конце концов есть же какой-то опыт. Свободный человек из одного только чувства самосохранения обязан подумать о том, как ему себя вести в мире, в котором нигилизм не только стал господствующим, но и, что хуже, превратился в нормальное состояние. То, что такое размышление уже возможно, обещает лучшую, более ясную погоду; оно — признак открывающейся по ту сторону перспективы.

16.

Что касается оптики, то укажем еще на одно обстоятельство, которое покажется неопытному в этой сфере смущающим, и даже непостижимым: а именно, что при пересечении нулевого меридиана прежние цифры уже не соответствуют истине, и нужно начинать новое исчисление.

Это в частности касается необходимой деструкции. Консервативная позиция, представители которой достойны внимания и даже восхищения, более не в состоянии тормозить растущее движение, как это было возможно после первой мировой войны. Консерватор должен всегда опираться на слои жизни, которые еще не пришли в движение, такие как монархия, аристократия, армия, деревня. Но когда все начинает сдвигаться, то точка отсчета теряется. Соответственно можно видеть, как молодые консерваторы переходят от статичных к динамичным теориям: они настигают нигилизм на его поле.

Это знак того, что со времен старого пруссака Марвица¹⁸ произошло значительное развитие. Тогда еще могло показаться, будто в огне только склады и хозяйственные строения. Но глобальный пожар требует совершенно другой амуниции. При этом нужно иметь в виду новый горизонт.

Нет сомнений, что весь наш состав¹⁹ как целое проходит через критическую линию. При этом изменяются критерии опасности и гарантированности. Больше уже нельзя думать о том, как спасти от натиска огня дом или личное имущество. Здесь не помогут ни хитрость, ни бегство. Напротив, такому спасенному существованию присущ привкус нелепости, в лучшем случае музейности. Это верно и в духовной сфере, поэтому сегодня редко упоминают то, что мыслитель на протяжении десятилетий сохранял свою точку зрения. Даже развития кажется недостаточным в этих странных мирах — скорее нужны трансформации в смысле Овидия или мутации в современном смысле.

Что за фигуры открываются теперь духу, который подобно саламандре движется сквозь огненный мир? Он видит здесь структуры, скрепленные по-

¹⁸ Прусский генерал-лейтенант Фридрих Август Людвиг фон Марвиц (1777-1837), известен тем, что выступал против ликвидации сословий и настаивал на ведущей миссии аристократии, которая по его представлениям, должна была стать военной и политической элитой.

¹⁹ Следуя предпочтению Юнгером военной лексики, мы переводим *der Bestand* как состав, во множественном числе как резервы.

старому: они не могут устоять, даже если они находятся в Тибете. Там он видит линию, где расплавляются все ценности, а на их место заступает *боль*. Потом он вновь замечает вырисовывающиеся контуры. Они требуют, прежде всего, острого глаза: ведь они могут быть всего лишь ростком или будущим центром кристаллизации. И все эти состояния требуют другого подхода, который покажется противоречивым и сумбурным тому, кто не может реализовать негативную и позитивную стороны уничтожения. Вавилонское смещение разделяет умы, темой которых становится точное положение нулевой точки. И это понятно, ведь эта точка задает будущую систему координат.

Возможна также оптика, сквозь которую линия появляется как маркер глубины, как при раскопках. Когда убирают мусор времени и сносят постройки феллахов, то получают представление о порядке и мироустройстве. С этой целью видимо сильные духом используют нивелирующее насилие, которое при-суще нигилистическим методам и терминологии. Сюда относится "философствование молотом", которым прославился Ницше, или "предприятие разлома", которое вынес на свою визитную карточку Леон Блуа.

Главный вопрос, насколько подчиняется дух необходимому разрушению, и ведет ли путь через пустыню к новым источникам. Это задача, которую таит в себе наше время. Каждый принимает участие в ее решении в меру своего характера. Поэтому возникает вопрос об основной ценности, и этот вопрос сегодня необходимо поставить перед личностью, произведением, организацией. Он гласит: насколько они перешли линию?

17.

Вышеназванное смятение появляется прежде всего там, где по праву предполагают корень наших трудностей, а именно в делах веры. Уже само *предположение* есть прогресс по отношению к полному безразличию позднего либерализма и чего похуже. Катастрофа Второй мировой войны обнаружила для многих, для огромных масс, порок, который иначе они не чувствовали. В этом проявляется продуктивная сила боли, и такие шаги к выздоровлению заслуживают особого поощрения и пестования.

Вполне естественно, что в таком положении в первую очередь отзываются церкви. Это их обязанность, к этому они призваны. Сразу же, однако, возникает вопрос, насколько они способны оказать помощь или, другими словами, в какой мере они еще владеют целительными средствами. От этого вопроса не стоит отмахиваться, так как именно непроверенные редуты могут быть особенно уязвимы для атаки нигилизма. Иначе вышло бы так, как мы описывали в самом начале: лицемерный спектакль благословения, которому нет никакого трансцендентного основания, и оно тем самым превращается в пустой жест, в машинный акт, как и все другие — и даже уступает им, поскольку он призван отражать ценности. Есть мгновения, когда оборот мотора становится сильнее, осмысленнее, чем повторяемые миллионами молитвы. Перед этими мгновения-

ми в страхе отшатываются многие из тех, которым нигилизм придал остроту зрения.

Можно предвидеть, что поставленный так вопрос не долго будет оставаться нерешенным. В мгновение, когда происходит пересечение линии, возникает новый поворот бытия и тем самым начинает мерцать то, что действительно есть. Это будет очевидно даже притупившемуся глазу. К этому уже примкнут новые крепости.

Но по эту сторону линии невозможно судить о таких вещах. В случае нигилистического конфликта не только благоразумнее, но и достойнее, выступать на стороне церкви, чем на стороне тех, кто на нее нападет. Это обнаружилось только недавно и продолжает обнаруживаться сегодня. Повсюду за исключением нескольких солдат нужно благодарить только церковь за то, что среди ликования масс дело не дошло до откровенного каннибализма и восторженного поклонения зверю. Временами было недалеко до этого; уже в знаменах просвечивала и все еще просвечивает блеск каинова празднества. Другие силы, ведущие себя социально и гуманно, ретировались. Им с их вялыми декомпозициями не стоит больше оказывать помощь.

Дальнейшее подавление церкви либо обрекло бы массы на технический коллектив с его эксплуатацией, либо загнало бы в руки тех сектантов и шарлатанов, которые сегодня встречаются на каждом углу. Здесь заканчиваются век технического прогресса и два века просвещения. Можно услышать призывы предоставить массы своей воле, которая явно толкает их к уничтожению. Это значило бы увековечить рабство, в котором томятся миллионы и которое превосходит ужас античности, однако без ее света.

Чтобы избежать распространенной путаницы, это следует продумать заранее. Далее следует констатировать, что теология отнюдь не находится в том положении, которое может померяться силами с нигилизмом²⁰. Теология скорее сражается с арьегардами Просвещения, и таким образом сама еще втянута в нигилистический дискурс.

Гораздо более обнадеживает то, что отдельные науки пробиваются к образам, которые можно толковать теологически²¹ — прежде всего астрономия, физика и биология. Как кажется, науки от экспансии вновь перешли к концентрации, к более ограниченной, более четкой и тем самым, возможно, более человеческой точке зрения, имея в виду, что слово понимается уже по-новому. Здесь нужно остерегаться опрометчивых истолкований; лучше всего говорят результаты. Теперь эксперименты отвечают на новые вопросы. Это приводит также к новым ответам. Для их обобщения философии уже недостаточно.

²⁰ Здесь Хайдеггер указывает на состоявшийся с Юнгером разговор на эту тему в местечке Штюбенвазен, недалеко от Тоднаумберга (S. 464).

²¹ У Хайдеггера здесь вопрос на полях. (S. 465).

Менее всего недостаток²² ощутим там, где хватает богослужений — в ортодоксальном центре. Он быть может единственное место, где при пересечении линии не происходит разложения, но если он разваливается, то это приводит к небывалым изменениям. Недостаток сильнее проявляется у протестантов, чем у католиков, оттого их устремления более направлены на светские интриги и общее благо. Ни в коем случае не следует снимать бремена решения с духовных лидеров. Ибо это приводит к тому, что теологические темы все сильнее внедряются в литературу. Во Франции это наблюдается как возвращение к традиции. Выступление автора на стороне церкви или размежевание с ней — вечно возвращающийся конфликт. Новая экзегеза ведет к противостоянию пророков и священников, которое постоянно повторяется, как например между Кьеркегором и епископом Мюнстера²³. Теологический роман, звезда которого закатилась, вновь появляется в англо-саксонских странах; порою ему даже предаются те писатели, которые только что занимались изображением сверхчеловека или последнего человека.

Эти три факта: метафизическое беспокойство масс, выход отдельных наук из коперниканского пространства и возникновение теологических тем в мировой литературе, — *positiva* высокого ранга, которые по праву можно противопоставить чисто пессимистической или упаднической оценке ситуации. Сюда же надо добавить энтузиазм, своего рода готовность, одновременно более трезвую и более сильную, чем после 1918 года. Ее можно встретить как раз там, где было больше всего боли, она отличает немецкую молодежь. Эта готовность проявляется более весомо по возвращении на родину после таких испытаний как разруха, окружение, унижительная неволя, чем в случае победы. После них не остается заносчивой храбрости, но возникает новое мужество, состоящее в том, чтобы испить чашу до дна. В атаке оно выступает ослабляющим фактором, но дает невероятные силы для сопротивления²⁴. У безоружного такие силы растут.

18.

Там, где сегодня обнаруживается этот резерв — готовность, воля к жертве и тем самым субстанция, — там всегда есть опасность бессмысленного его использования. Эксплуатация²⁵ — основная черта мира машин и автоматов. Она ненасытно усиливается, вплоть до появления Левиафана²⁶. В этом нельзя обма-

²² Недостаток, оскудение в противоположность избытку — понятия, которые употребляет Ницше для характеристики явлений жизни. В частности для характеристики искусства: «По отношению ко всем эстетическим ценностям пользуюсь я теперь следующим основным различием: я спрашиваю в каждом отдельном случае: «Стал ли тут творческим голод или избыток?» (Веселая Наука, № 370). К явлениям, выдающим «оскудение жизни», Ницше причисляет романтический пессимизм.

²³ Епископ Мюнстера, глава датской протестантской церкви, друг и духовный наставник отца Кьеркегора.

²⁴ «Противоречие с Рабочим», — замечает Хайдеггер, подчеркивая слово «атака» (S. 465).

²⁵ Хайдеггер ставит вопрос, усомнившись в слове «эксплуатация» (S. 465).

²⁶ Появление этой мифологической фигуры в тексте Юнгера как само собой разумеющейся, объяснимо многолетней дружбой и перепиской с Карлом Шмиттом (1888-1985), автором «Левиафана Томаса Гоббса». Карл Шмитт много раз обращался к творчеству Томаса Гоббса: «Государство как механизм у Гоббса и Декарта»

нуться даже там, где великая империя чуть только не озолотила лачуги. В комфорте Левиафан еще страшнее. Время сверхдержав, как предсказывал Ницше, наступило.

Поражение всегда достойно сожаления. Однако оно не относится к тому злу, которое полностью негативно; у него есть свои преимущества. Одно из значительных — моральное, поскольку поражение отстраняет от участия в действиях и тем самым от соучастия, связанного с ними. При этом может возрастать правовое сознание, которое превосходит сознание действующих лиц.

Не стоит поступаться этим и другими преимуществами только ради того, чтобы участвовать в сомнительных действиях. На нашу страну уже падают тени нового конфликта. Немец становится в глазах своих врагов желанным союзником, не только из-за срединного положения его страны, но и из-за стихийных сил, скрытых в нем. Это улучшает его положение, но и приносит новую опасность. Он принужден коренным образом заниматься проблемами, которые только на первый взгляд кажутся политическими.

Противоборство с Левиафаном, который тиранично принуждает то извне, то изнутри, — всеобщее явление нашего мира. Два великих страха охватывают человека, когда нигилизм достигает кульминации. Один основан на ужасе внутренней пустоты и принуждает человека любой ценой манифестировать себя вовне — проявлением власти, овладением пространством и повышенной скоростью. Другой страх воздействует извне, как атака могучего мира, одновременно демонического и автоматического.

На этой двойной игре основана непобедимость Левиафана в наше время. Эта непобедимость иллюзорна; и в этом ее сила. Смерть, которую она сулит — иллюзорна, и *потому* она страшнее, чем на поле боя. Даже сильные воины не доросли до этой смерти, их предназначение не выходит за пределы иллюзий. Поэтому военная слава меркнет там, где имеет значение последняя действительность, превосходящая видимость.

Казалось бы, если сразить Левиафана, то освободившееся пространство нашло бы свою реализацию. Но внутренняя пустота, состояние безверия неспособны на этот ход. По этой причине там, где образ Левиафана свергнут, головы гидры тут же вырастают вновь. Пустота востребует их.

Та же трудность не позволяет препятствовать внутри государства злоупотреблениям власти, направленным против индивида. Можно себе представить ситуацию, когда объединились бы немногочисленные элиты, подобно тому, как прежде против демоса, так сегодня против Левиафана, чтобы выбить ему зубы. Их гибель не осталась бы без последствий. Мы пережили это. По той же причине возможны и даже полезны были бы партии, которые готовят нападение на бюрократию, которая подобно полипу истощает общество. На их стороне было бы большинство, даже единодушное одобрение; но это ничего не изменило бы.

(1936/37), «Левиафан в учении о государстве Томаса Гоббса. Смысл и неудача политического символа» (1938) и др. Он считал ветхозаветную фигуру Левиафана адекватной метафорой для описания политического суверена.

Самое большее, что можно было бы от этого ожидать, — создание недолговечной идиллии. Тогда образовались бы новые центры, если только Левиафан не завладеет извне легкой добычей, чтобы угнетать ее еще сильнее, чем собственные тираны. Ему нравится квиетическая идеология, он ее пропагандирует, хотя только для других.

То есть все не так просто. Удивительно унылое впечатление производит сегодня человек на улице; он, наконец, поплатился. Время идеологий, которые еще были возможны после 1918, прошло; они сегодня лишь косметически скрывают великие силы. Тотальная мобилизация вступила в стадию, которая по своим угрозам превосходит предыдущую. Немец — конечно уже не является более ее субъектом, и тем самым возрастает опасность, что он понимается как ее объект и обманом лишается своего вознаграждения за выполненные обязательства.

Разумеется, нельзя просто игнорировать этот процесс. Он требует политического реагирования тем более настойчиво, чем больше беззащитность — даже если политическое решение редуцировано и ограничивается только выбором покровителя.

К тому же можно предположить, что в целом процесс неизбежен и, в конечном счете, имеет смысл. Образование огромных территорий и, прежде всего, их растущий буржуазный характер указывают на то, что речь больше не о движениях национальных государств, а скорее о подготовке глобального единства, в пределах которого потом можно ожидать большей защиты и свободной жизни народов и отечеств.

Один из маневров Левиафана — попытка убедить молодежь в том, что его зов идентичен с призывом Отечества. Таким образом, он получает в жертву лучших.

19.

Наш путь ни извне, ни изнутри не гарантирует безопасности. Писатели и мыслители описывали его с каждым новым шагом точнее и сознательнее, ибо это путь, на котором катастрофы надвигаются все отчетливее и все более могут быть неизбежны.

В таком незавидном положении человеку предлагает свои услуги какая-нибудь организация. Слово «организация» следует понимать в данном случае в самом широком смысле, прежде всего как порядок, основанный на знании и науке. Она позволяет экономические, технические, политические упрощения. Вряд ли человек в этом состоянии отвергнет предложенные ему средства, ведь они многое для него облегчают, прежде всего, мучительный выбор и личное решение. В рамках этого порядка он будет гарантирован. Конечно, множество снятых с плеч решений перекладываются на всего лишь несколько центров. Тем самым возникает опасность всеобщей катастрофы.

Можно предвидеть, что ограничение свободы будет продолжаться. Оно есть даже там, где по наивности воображают, что могут принимать решения самостоятельно. Есть ли разница, откуда получать заказ на изобретение и распространение средств массового уничтожения, от тиранической олигархии или по решению парламента? Несомненно одно отличие: во втором случае универсальный характер принуждения более очевиден. Страх господствует над всем, даже если он обнаруживается здесь как тирания, а там как рок. Пока он правит, все идет по порочному кругу, а оружие — зловеще блестит.

20.

Тем самым встает вопрос, возможна ли еще свобода, пусть даже в ограниченном виде. Конечно же, она не гарантирована нейтралитетом — прежде всего той иллюзией безопасности, в которой берутся морализировать по поводу тех, кто стоит на арене.

Равным образом нельзя посоветовать скепсис, особенно обнаруживающий себя. Дух, который исходил из сомнения и питался им, почти повсюду пришел к власти, но теперь сомнение по отношению к нему самому является святотатством. Он требует для себя, своего учения, своих «отцов церкви» такого почтения, на которое не претендовали ни императоры, ни папы. Усомниться в нем рискнет лишь тот, кто не боится пыток и каторги. Таких найдется немного. Обнаружить себя таким путем — это значит как раз оказать услугу Левиафану, которая придется ему по душе, для которой он держит армию полицейских. Посоветовать такое угнетенным, например, со свободной радиостанции, — чистое преступление. Тех, кто говорит, сегодняшние тираны не боятся. Это было возможно только в добрые старые времена абсолютного государства. Намного страшнее молчание — молчание миллионов, а также молчание мертвых, которое день ото дня становится все более глубоким, пока не огласится на суде. В той мере, в какой нигилизм становится нормой, символы пустоты становятся страшнее, чем символы власти.

Но свобода не живет в пустоте, скорее она обитает в неупорядоченном и неразличимом, в той сфере, которую хоть и можно организовать, но нельзя причислить к какой-либо организации. Мы хотим назвать ее «стихия»; она есть пространство, из которого человек не только ведет борьбу, но из которого он может надеяться победить. Но это уже больше не романтическая стихия. Это первооснова его экзистенции²⁷, дебри, из которых он однажды, подобно льву, покажется.

Однако и в нашей пустыне есть оазисы, в которых правит стихия. В подобное же поворотное время понял это Исая. Это сады, в которые Левиафан не имеет доступа, вокруг которых он бродит в ярости. В первую очередь это смерть. Сегодня, как и прежде люди, которые не боятся смерти, много выше самой великой преходящей власти. В этом основа тезиса, что нужно рассеивать

²⁷ «Что это? — вопрошает Хайдеггер (S. 465).

безграничный страх. Власть имущие постоянно живут в ужасном ожидании, что не только отдельные индивиды, но и массы смогут освободиться от этого страха; что неизбежно привело бы к их падению. Здесь же подлинная причина ожесточения против любого трансцендирующего²⁸ учения, в котором таится наивысшая опасность: бесстрашие человека. Есть такие районы, где уже слово «метафизика» преследуется как ересь. Само собой разумеется, что там любое почитание героя и любая великая человеческая фигура низвергаются в прах.

Вторая фундаментальная сила — эрос; когда два человека любят друг друга, они избегают областей Левиафана, создают неподконтрольное ему пространство. Эрос как настоящий посланник богов всегда будет одерживать победу над всеми титаническими структурами. Никогда не согрешит тот, кто выступает на его стороне. В этом отношении следует подчеркнуть романы Генри Миллера — в них против техники выступает пол. Он избавляет от железного принуждения времени; машинный мир уничтожается в той мере, в какой человек обращается к нему лицом. Ошибочно полагать, будто это уничтожение прицельно и должно постоянно возрастать. Секс не противоречит, но корреспондирует техническим процессам в органике. На этой стадии он столь же родственен титаническому, как и, например, бессмысленное кровопролитие, ибо влечение противостоит только тогда, когда ведет к любви или к жертве. Они нас освобождают.

Эрос живет и в дружбе, которая подвергается решающей проверке перед тиранией. Здесь она, как золото в печи, очищается и получает свою пробу. В те времена, когда подозрение проникает даже в семью, человек приспособливается к форме государства. Он окружает себя крепостью, за стены которой не проникают никакие знаки. Там, где шутка, или даже только неисполнение знака могут привести к смерти, царит великая бдительность. Мысли и чувства остаются скрытыми в самой глубине; воздерживаются даже от вина, ведь оно пробуждает истину. В таких ситуациях беседа с надежным другом может быть не только бесконечно утешительной, но и возвращает и подтверждает мир в его свободной и справедливой размерности. *Одного* человека достаточно для свидетельства того, что свобода еще не исчезла; но *он* нам нужен. Тогда у нас прибавляется сил для сопротивления. Это знают тираны и пытаются растворить человеческое во всеобщем и публичном — это устраняет неподдающееся контролю, экстраординарное.

Тесно взаимосвязаны свобода и мусическая жизнь, которая расцветает там, где внешняя и внутренняя свобода находятся в благоприятном соотношении. Произведение искусства правда еще встречает внутри и снаружи огромное сопротивление. Это делает его тем более достойным. В творение ничто проникает с чудовищной силой, делая творческий акт интеллектуальным. В этом обычно усматривают недостаток, но в данном случае это скорее стиль времени. Сегодня в любом произведении искусства скрыто присутствует значительная

²⁸ «Что, как, зачем (трансцендирует!)», — выражает недоумение вопросами и восклицанием Хайдеггер (S. 465.)

доля рациональности и критического самоконтроля — именно эта особенность является условием его достоверности, печатью времени, по которой за ним признают подлинность²⁹. Наивность сегодня пребывает совершенно в других сферах, нежели пятьдесят лет назад, а то, что старается насильно завладеть мечтой, попадает в круг механического повторения. Мы должны сегодня развить сознательный дух до инструмента, который спасет³⁰. Он являет нам субстанцию невыразимого, а его образы позволяют и при наших средствах возвыситься до вечности. Подлинность — в самоограничении до данности.

Смысл искусства состоит вовсе не в том, чтобы игнорировать мир, в котором мы живем — это, правда, приводит к тому, что в нем мало радостного. Духовное преодоление времени и овладение им находит свое выражение не в прогрессе и совершенных машинах, а в том, что эпоха выражается в своей форме произведения искусства. В этом ее спасение. Хотя машины никогда не станут произведениями искусства, но метафизический мотив, стимулирующий мир машин, может получить в произведении искусства наивысший смысл и тем самым водворить в этом мире покой. Это важное отличие. Покой обретается в гештальте, в том числе в гештальте Рабочего³¹. Если рассмотреть путь, который прошла живопись в нынешнем столетии, то можно догадаться о принесенных жертвах. Можно, наверное, даже предугадать, что этот путь ведет к триумфу, для чего чистого служения прекрасному недостаточно. Это ведь еще спорный вопрос, что называть прекрасным.

Вряд ли можно найти такого человека, который позволит в своем саду властвовать экономике настолько, что даже цветам там не найдется места. Его посадки сразу же завоевываются жизнью, надстраивающейся над чистой необходимостью. То же самое испытывает человек, втиснутый в наш порядок, в наши государства, когда он обращается, пусть даже ненадолго, к произведению искусства. Возможно, только в катакомбах он может к нему приблизиться, как Христос к кресту. Ведь зона господства Левиафана характеризуется не только плохим стилем, но в ней мусический человек с необходимостью должен быть причислен к самым значительным противникам. Художника преследуют. Зато тираны расточают похвалы духовным рабам. Последние же оскверняют творение.

21.

Подобным же образом дело обстоит и с мыслителем. Он столь же рискованно ставит себя на границах ничто. Тем самым он *познает* страх, который люди воспринимают панически, как удары судьбы. Одновременно он приближается к спасительному, которое Гельдерлин связал с опасностью.

²⁹ «Писать стихи и мыслить», — дополняет Хайдеггер, подчеркивая союз (S. 465)

³⁰ Подчеркнув «сознательный дух», Хайдеггер замечает: «Иначе и больше чем «инструмент» — мимо! (S. 465).

³¹ Здесь Хайдеггер ставит вопрос на полях: Что значит «покой» (S. 290).

При этом следует указать на редкую симметрию: мыслитель и поэт сегодня находятся в зеркальном отношении³². Поэзия стала интеллектуальной настолько, что превосходит все прежние попытки осмысления. Ее образы проникают до сплетения мечты и мифа. Сюда же относится тот факт, что все большее женщин принимают участие в духовной сфере. По эту сторону линии их участие считается процессом редукции; только по ту сторону станет ясно, есть ли от него польза и какая. И если бы сегодня на Земле появился разумный пришелец, то из поэзии он мог бы заключить, что мы обладаем знанием о рентгеновском излучении и даже о ядерных процессах. Еще совсем недавно этого не было, и остается удивительным, что слово отстает от движения духа. Таким образом, в языке все еще продолжается Возрождение.

Если язык, проступая на поверхности письма плодородным слоем, дает концептуальные всходы, то в мышлении он опускается в недра неразличимости. Эти два движения в непосредственной близости к ничто соотнесены друг с другом. Стиль мышления совершенно отличен от классических времен, например, от барокко, в котором он отличался полной гарантированностью, даже суверенитетом абсолютной монархии. Он больше не в состоянии вынести то требование позитивизма, что на любом поле, куда ступает дух, должно доминировать ясное сознание с его законами. Приток неизвестного превысил не только все метки футштока, но и критическую метку уровня воды. В результате гарантированность мысли стала сомнительной, и более того, она стала ответственностью и обузой, как наследственное владение, перешедшее в собственность. Мышление вынуждено искать другие гарантии и напоминать о других более отдаленных мотивах, как например, мотив гнозиса, досократиков, еремитов, поселившихся в Фивах. Возникают новые и все же древние лейтмотивы, как например, лейтмотив страха. И все же надо признать, что новое мышление предъявляет более точные метки, чем наследие XIX в. с его наукой. Но где встречаются друг с другом определенность с неопределенностью — риск с точностью? В области эксперимента.

На самом деле экспериментальный подход относится к самому характеру мышления. Это ведь стиль, который отличает не только живопись, науку, но и бытие отдельного человека. Мы ищем мутации, возможности, при которых жизнь в новой зоне была бы плодотворной, выносимой и даже счастливой. Научный эксперимент с его вопросами направлен на материальный мир. Мы все знаем поразительные ответы, которые дала наука, и которые угрожают мировому равновесию. Восстановить это равновесие может только мышление, получив из мыслящего космоса ответы, которые будут превосходить эти материалистические позиции. Своеобразие нашего положения позволяет заключить, что эти мыслительные акты по времени должны предшествовать теологическим установкам, более того, их подготавливать — может быть даже не столько они,

³² «Гельдерлин?», — помечает Хайдеггер (S. 465.)

сколько ход наук вообще, как сеть, из которой вынимают другую добычу, нежели ожидали.

То, что мышления, которое мы получили в наследство недостаточно, ясно как день. Однако нельзя сказать, будто бы, как вообще, так и в мышлении осуществлена некая операция, направленная против предыдущего столетия — его стиль, особенно стиль познания скорее расширен и углублен. Он конечно при этом изменился, может быть даже стал несравнимо сильнее — также как и получение новой физической энергии имеет фундаментом исследовательские работы наших отцов. Скорее это даже не операции и методы нам отвечают, а новые силы. Это позволяет предположить, что методы с самого начала ведут к другой цели, нежели та, для достижения которой они предназначались.

Итак, мы в неизмеримом. Здесь меньше гарантий при большей надежде на результат. «Holzwege»³³ — прекрасное сократовское слово для этого. Оно означает, что мы находимся в стороне от твердых дорог и в царстве неразличимого. Здесь существует возможность поражения.

22.

Упрек в нигилизме сегодня популярен, и каждый приписывает его своему противнику. Весьма вероятно, что правы *все*. Поэтому нам нужно обратить упрек к себе, а не разделять позицию тех, кто неумышленно ищет виноватых. Менее всего знает время тот, кто не испытал на себе чудовищную силу ничто, и кто не уступил его соблазну. На собственный страх и риск: это как некогда в Фивах, в центре пустынного и разрушенного мира. Здесь пещеры, к которым толкают демоны. Здесь каждый, независимо от положения и ранга, оказывается в непосредственной и самостоятельной борьбе, и с его победой изменяется мир. Если человек окажется сильнее, то ничто отступит. На линию побережья будут выброшены затопленные сокровища. Они вознаградят жертвы.

Обзор:

1. Оценка нигилизма у Ницше,
2. у Достоевского.
3. Его оптимистическая и
4. пессимистическая характеристики.
5. Диагнозы нигилизма
6. в преддверии ничто.
7. Отношение нигилизма к хаосу и анархии,
8. к болезни,
9. которая для него столь же мало типична.
10. Нигилизм как преступление.
11. Нигилизм как состояние утраты
12. и демифологизации.
13. Он сводится к цифрам и измеримому существованию.

³³ Лесные тропы (нем.) — название сборника работ Мартина Хайдеггера (1950 г.).

14. Нигилизм приближается к последней цели.
15. Его чародейство — манера поведения, а не средство исцеления.
16. В зоне изменений вопрос об основных ценностях можно поставить только на линии, на нулевом меридиане.
17. Отношение к церкви,
18. к Левиафану.
19. Организация и безопасность.
20. Оазисы в пустыне.
21. Мыслитель и поэт в это время.
22. Критическая сила личности.